

ФАНТАСОФИЯ

литературный альманах

Выпуск №5

Фэнтези & Магический реализм

Коллектив авторов
Эдуард Байков
Фантасофия. Выпуск 5.
Фэнтези и Магический реализм

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6559982

Аннотация

Пятый выпуск альманаха «Фантасофия» составлен на основе произведений малой и средней литературных форм – рассказов, повестей и новелл – писателей Республики Башкортостан, работающих в жанрах сказочной фантастики и магического реализма.

Содержание

Эдуард Байков	5
Эдуард Байков	10
Эдуард Байков	15
Вероника Авинова	25
Вероника Авинова	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Коллектив авторов
Фантасофия.
Выпуск 5. Фэнтези и
Магический реализм

© Э. А. Байков, 2005

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Эдуард Байков

Медвежья услуга

Как-то пошел мужик в лес по дрова. Был у того мужика домик на садовом участке, а в домике – печь. Дело происходило осенью, в прохладную пору. Вот и решил мужик растопить печку, глянул, а дров-то нет. Пришлось идти за дровишками в лес.

Шел он, шел и, наконец, наткнулся на большое сухое дерево. Поплевал на руки, ухватил топор покрепче и только собрался рубить, глядь – откуда ни возьмись, медведь появился, прет прямо на незваного гостя. Перепугался мужик, прижался спиной к дереву, да выставил перед собой топор, от отчаяния решил подороже жизнь продать. А Топтыгин ему и говорит: «Чего это ты, мужик, испугался меня? Не дрейфь, не обижу».

Удивился мужик таким речам зверя лесного, но вида не подал, помалкивает. А косолапый тем временем молвит: «Ты вот что, мужик, слушай сюда. Я тебя не трону, наоборот сослужу добрую службу. Ты, как придешь к себе, смело залей в Интернет, отыщи там сайт «Медведь-точка-Ру» – там найдешь свое счастье».

Сказал и пропал с глаз долой, мужик даже моргнуть не успел.

«Вот диво дивное!» – подивился человеке и, забыв про дрова и печь, кинулся со всех ног из лесу. Так взволновал говорящий медведь, что, не до ночевки ему в садовом домике, поехал сразу в город. Зашел в квартиру холостяцкую и прямиком к компьютеру. Давай стучать по клавишам да «мышь» давить. Залез, как и учил его Топтыгин, в Сеть, отыскал сайт «Медведь-точка-Ру» и, затаив дыхание, открыл его.

На экране появился тот самый лесной знакомец. Мужик аж подпрыгнул на месте от неожиданности.

– Ну, здорово, что ли, земляк, – ощерился тот в ухмылке, – молодец, что решился. Теперь лови свое счастье.

И с этими словами виртуальный медведь протянул с экрана лапу и, ухватив мужика за шкурку, втащил внутрь. Того словно поленом по темечку, очнулся уже на лужайке. Сидит в траве, глазами хлопает от непонимания. Медведь тут как тут, глубокомысленно заметил:

– Вид у тебя ошалелый. Ну, да это поначалу только так. Пойдем, покажу тебе свои хоромы.

Пришли они к дому, где жил косолапый. Не дом – а настоящий дворец, да с башенками яхонтовыми, а маковки все золотые, сводчатые оконца серебряными решетками забраны, все блестит и сверкает, аж в глазах резь.

«Богат хозяин, – подумал мужик, – коли такое великолепие выстроил».

А мишка словно и не замечает мужичьего восторга. Приглашает:

– Заходи, гость дорогой.

Ну, мужик вошел в хоромы и оробел. Вместо прихожей – огромная берлога вся камнями драгоценными отделана. Шаг сделал – на лал наступил, другой – на яхонт там или алмаз. Присмотрелся мужик и заметил – сундуки стоят вдоль стен. А косматый хозяин уже семенит к ним, крышки открывает, да приговаривает:

– Вот самоцветы, вот золотишко, вот украшения драгоценные. Бери, чего душа просит.

Ходит гостюшка от одного сундука к другому, все никак определиться не может, глаза разбегаются. В одном блещут горы бриллиантов, изумрудов, сапфиров. В другом золотые монеты и слитки кучей навалены. В третьем – пачки денег ровными штабелями высятся. Еще в одном – вещи старинные, украшенные драгоценными камнями. Голова кругом от такой роскоши! Хотел, уже было всего понемножку набрать, а медведь и говорит:

– Только учти, ты вправе взять что-то одно, да так, чтоб унести смог на себе. Вот и пораскинь мозги, что дороже?

Думал мужик, думал, да и ляпнул:

– А боле ничего нет?

Медведь в ответ хитро сощурился:

– Есть, как же. Пойдем, покажу.

Прошли они во внутренние покои. Там, на столах дубовых с резными ножками, да с золотой инкрустацией, лежат предметы дивные. Тут тебе и ковер-самолет, и скатерть-са-

мобранка, и волшебная лампа, и палочка-выручалочка – чего только нет. У мужика от волнения аж дыхание в зобу сперло. Мыслишки перепелками полошено заметались, закопошились в голове. «Что бы взять, что лучше?» – от этой думы в мозгу свербит. Покумекал, поразмышлял, набрался духу, да и спросил:

– А, еще чего другого, нет?

И снова медведь согласно кивнул, повел за собой в потайную комнатку. А комнатка та опочивальней оказалась. На кровати широкой под балдахином узорчатым сидит девица красоты неопишуемой, скромно очи потупив. И так она мужику приглянулась, что забыл он о богатствах земных и о вещах волшебных, да выпалил сдуру:

– Вот оно, мое!

Услышал хозяин такую заявку, как захохочет, аж стены затряслись.

– Ну, бери, – говорит, – раз выбрал.

Мужик взял за руку невесту свою, повел ее к выходу, весь от счастья так и светится, да на нее, красу ненаглядную, любуется. Тут медведь преградил им путь, нахмурился:

– Али забыл, земляк уговор – на себе унеси.

Делать нечего, взвалил мужик себе на плечи драгоценную ношу и понес, кряхтя. Так и дошли до памятной лужайки.

– Ну, ступайте, с миром, – махнул на прощанье Михайло Потапыч и, схватив обоих, швырнул в небо.

Очутился мужик опять в своей светелке, только головой

качает, мол, привиделось все. Ан нет, обернулся – рядышком девица красная. Видать, взаправду в Интернете путешествовал.

Минул год с тех пор, как побывал мужик в гостях у виртуального медведя, где нашел себе супружницу. Поначалу все у них хорошо было – тишь да гладь, да божья благодать. Но вскоре зазноба его показала коготки, стала пилить муженька по любому поводу. То да се – и зарабатывать деньги длинную не умеет, и семью обеспечивает из рук вон плохо. А сама-то по дому, по хозяйству ничего делать не желает. Только и знает, что перед зеркалом вертеться, да перед посторонними красоваться.

Терпел мужик, терпел, да не вытерпел, так припекла его чертовка. Засел за компьютер, полез в Интернет, да вот беда – никак не может найти сайт тот загадочный. Нет такого в Сети, хоть ты тресни. Опечалился мужик, а тут жена-мегера совсем заела.

«Ну, и осел же я был! – клял он себя, на чем свет стоит. – Надо было лампу волшебную испросить, или на худой конец золотишка поболее. А я, дурак, эту мымру подцепил!»

Не зря, видать, медведь над ним смеялся. Думать надобно головой, на то она и предназначена.

Январь 2002 г.

Эдуард Байков

О глупости и смелости

Как-то раз повстречались волк и овца. Как это произошло?

Овца паслась вместе со всеми на лужку. Да вот беда – поглощая с аппетитом сочную, сладкую траву, сама не заметила, как отбилась от стада и забрела незнамо куда. Когда опомнилась, глянула по сторонам – никого, ни отары родной, ни собак-сторожей, ни пастуха в каракулевой накидке. Вокруг лес, места все незнакомые, глухие. Уже и солнце почти скрылось за макушками деревьев.

Потопталась овца в растерянности, поблеяла жалобно да направилась в сторону заката, где по ее расчетам находилось родное село, а в селе – овчарня. Через заросли лесного кустарника, мимо полян, вскорости набрела она на тропу. Это придало ей малую толику бодрости, и беглянка резво побежала вперед.

Долго трусила овечка по тропинке, уже и сумерки сгустились – на землю опустилась ночь. Ах, как страшно ночью в лесу! А нынче еще страшнее – ночка выдалась темная, на небо словно кто-то покрывало накинул, не видать ни луны серебристой, ни звездочек искрящихся. Не видно ни зги, только тропа сереет во тьме крошечной, да сама путе-

шественница белым пятном катится по дорожке.

Дрожит овечья душа, трепыхается под кучерявой шерстью маленькое сердечко. А вокруг тени неясные колышутся во мраке, шорохи ночные нагоняют жути. И кажется овце, что кто-то страшный и невероятно жестокий следит за ней под покровом тьмы, и от этого трясется беглянка еще пуще, слабеют ее ножки, а сейчас только на них вся надежда – только бы вывели к дому.

Тут месяц ясный вдруг показался из-за туч, затянувших небо сплошной пеленой, и так ярко стало вокруг. Овца наша обнаружила, что тропа вывела ее на большую поляну, окруженную вековыми дубами. И вспомнила ослушница это место – от него рукой подать до деревни. От мыслей этих радостно ей стало, откуда-то и сил прибавилось.

Но едва так подумала, глядь – впереди волчище матерый стоит, лапы широко расставил, путь преградил. Овца как вкопанная стала, боится пошелохнуться – мысли так и заскакали в голове. А волк пасть оскалил и ухмыляется:

– Что овца, заблудилась никак?

– За-заблудилась, ме-е-е, – еле слышно отвечала та, а у самой голос дрожит.

– Ну, так я тебя выведу из лесу, – осклабился волчара.

Овца ушам своим не верит – неужто и впрямь выведет, не тронет?! А волк тем временем и говорит так вкрадчиво:

– Только и ты, овца, окажи мне услугу – проводи меня к себе в овчарню мимо псов злобных. Хочу я хоть разок в

теплом месте поспать, на соломке с удобствами.

Смекнула тут овца, что дурит ей голову хищник лесной, иначе с чего бы это ему добреньким прикидываться. Видно, мало ему, окаянному, одной овечки на ужин, решил отхватить куш посолиднее – ее товарок слопать да часть с собой прихватить. Только деваться овце нашей некуда, пришлось согласиться, а там видно будет.

И вот пошли вместе – впереди овца, а за ней волк бежит. Таким макаром вскорости вышли они к окраине села.

– Ну вот, овца, – промолвил волк, отдышавшись, – теперь говори давай, как нам собак злых миновать?

Стоит овца, трепещет, не знает, что в ответ сказать. Ведь она глупая, а волк коварный – не перехитрить ей серого. И умирать страшно, пожить еще хочется, пощипать зеленую травку, подставить бока теплым лучам солнца, полюбоваться полетом разноцветных бабочек – таких легких и воздушных, таких прекрасных! Чуть не расплакалась от этих дум овечка, но все ж таки собралась и смело молвила:

– Ступай волк за мной, да голос не подавай.

Волк посмотрел на нее в темноте, подумал, покачал головой и с угрозой предупредил:

– Смотри, овца, не вздумай со мной шутку сыграть – собакам сдать. Я и от псов ваших убегу, а перед этим тебе не сладко придется.

Ничего не ответила на это овца, молча пошла вперед, поникнув головой, словно обреченная. Дошли они до ворот, а

те, слава Богу, не заперты, видать, хозяин лелеял надежду, что вернется беглянка, отыщет путь домой. Проскользнула она в ворота, а волк тенью за ней прошмыгнул. Тут собаки заволновались, заворочались.

– Ты ли это, овца? – спрашивают.

– Я это, я, защитнички наши доблестные, – заблеяла радостно та.

– А почто это волчьим духом запахло? – глухо рыча, поинтересовался вожак своры.

– Так это я в лесу бегала, вот и пропахла волчатиной.

– Ну, коли так, то ладно, – успокоились псы и разошлись по своим конурам.

«Что же делать-то теперь?» – сверлит овечью голову тревожная мысль, не дает покоя. А тут и волк ее мордой слегка подталкивает – чего, мол, встала, пошли. Голоса же подавать боится. И осенило овцу враз, поняла она, как ей врага вокруг пальца обвести и самой уцелеть.

– Постой, – говорит, – надобно ворота прикрыть, а то неровен час, забредет кто чужой, собаки всполошатся, заодно и тебя накроют.

– Дело говоришь, – одобрительно прошептал серый, позабыв об осторожности.

Овца быстро затрусила к воротам, а как поравнялась с ними, немедля выскочила со двора и захлопнула створки. А сама давай блеять, что есть мочи:

– Просыпайтесь, вставайте, волк во дворе! Враг в доме,

ме-е-е!

Вскочили псы со своих мест и кинулись на супостата своего извечного. Ох, и досталось же волчище зубастому на орехи! Хорошенько потрепали его собаки пастушьи, прежде чем удалось ему с отчаянья перемахнуть двухметровый ча-стокол и задать стрекача в лес – только его и видели. А отважную и сообразительную овцу хозяин наградил алой шелковой ленточкой с золотым бубенцом. Теперь уж она не потеряется, даже если увлечется травкой – колокольчик-то на шее звенит при каждом ее шаге.

А еще говорят, что овцы глупы. Не все, однако ж!..

Декабрь 2003 г.

Эдуард Байков

Наваждение

Вот какой сон видел Раис накануне. Приснилось, будто душит его, давит на грудь домовой ли, леший ли – мерзкий, заросший бородой старик, жуткая образаина. Приблизил свою отвратительную физиономию и сдавил грудь так, что ни вдохнуть, ни выдохнуть. Задыхается Раис, хочет сбросить с себя нелюдь, но не слушаются руки, словно омертвели. Крепко сковала его члены нечисть, невмочь и пошевелиться. Задыхается человеке, вот-вот потеряет сознание и примет страшный конец. И, вдруг, словно кто надоумил. Набрал он побольше слюны, да как харкнет прямо в гнусную рожу. Тут морок и сгинул, а Раис пробудился, весь в поту, разинув рот в немом крике, будто рыба, вытащенная на берег. Кричали вороны. Прокашлялся, поворочался малость, да снова заснул. Теперь до утра.

Едва рассвело, он уже на ногах. Собрался, выпил чаю и за порог. На улице морозец легкий, машина завелась почти сразу. Заехал за свояком, благо жил тот неподалеку – тоже в Черниковке. Фауль с утра пораньше веселый, так и сыплет шутками-прибаутками, а Раис все еще под впечатлением ночного кошмара, не по себе ему как-то.

– Ты чего такой хмурый? – толкнул его родственник.

– Не с той ноги встал, – вяло отшутился тот.

– Так, давай, мы тебе ноги поменяем.

И захохотал. Раис лишь крепче сжал руль, на душе все-таки беспокойно. Леший бы побрал этого старика. Подумал так, и не удержался от усмешки – старик-то, видать, был сам шурале¹. Да и шут с ним. Включил автомагнитолу, салон наполнили звуки сороковой симфонии Моцарта. С музыкой, оно веселее в дороге.

Фауль был классным сварщиком, Раис же – лихим водителем и слесарем-монтажником. Путь свояки держали в зауральский город Учалы, куда их направили в помощь бригаде, строившей котельную. Раис командировки любил, не в пример Фаулю. Того, где бы ни был, все домой тянет. А чего там, дома – жена, дети. Семья, известно, дело хорошее, Раис всем сердцем за прочный брак, и наследников – дочку с сыном – любил. Только вот, по правде сказать, заедает быт семейный, потихоньку да помаленьку, но заедает. Стало быть, отдыхать надобно друг от друга – хоть ненадолго. После разлуки и встречи слаще. А еще в сельских районах воздух свежий, не в пример Уфе. Ну и немалые командировочные, дело не лишнее.

Фауль еды набрал с собой, бутербродов всяких – с колбасой да с сыром. Привычная в командировках еда, от одного вида которой Раиса однако мучило, посему прихватил он лишь термос с чаем. А возле придорожного рынка притор-

---

¹ Шурале – в башкирском фольклоре: лесной дух, леший, лесная нечистая сила.

мозил и накупил горячих пирожков – с картошкой, с капустой и с мясом. Не забыл взять и пару упаковок с соком. От алкоголя оба держались подальше. Было дело, чего уж скрывать – пили крепко, потом лечились, слава Богу, пошло на пользу. С тех пор три года «в завязке». В семьях тишь да гладь, само собой и сами рады – в деле и при деньгах. Ежели руки золотые и голова на плечах, в зелье нужды нет.

У СПМа их тормознули. Сколько раз Раис напоминал себе, что надо пройти техосмотр, да все руки не доходили. Пришлось расстаться с полтинником – инспекторам тоже кушать хочется. До Кармаскалов доехали без приключений, миновали Архангельское, а оттуда до гор рукой подать. Уже виднеется на горизонте неясная темная полоса. Постепенно, с каждым пройденным километром, узенькая полоска вырастает в горную цепь.

По трассе, змеившейся меж отдельных кряжей, путники ездили не раз. Со средней скоростью не больше сорока километров, Уральский хребет преодолевали на «Ниве» за полтора-два часа. Летом, если в сухую погоду, выходило, доедешь быстрее, вот только туманы помеха. На отдельных участках возможны камнепады. Изобилует дорога и множеством слепых поворотов. Зимой же напастей прибавляется – тут тебе и снежные обвалы, и гололед, и заносы. Не приведи Господь, поломаться студеной зимней порой в горах – места-то глухие. Пока доберешься до ближайшего жилья, насмерть замерзнешь. Вся надежда на проходящий транспорт. Да вот бе-

да, не больно частое здесь движение, не каждый и остановится – опять же боязно в глуши.

Первые вершины выросли как-то внезапно, внушительным гребнем возвышаясь над холмистой равниной. Еще издалека было видно, как небо хмурится, покрывая горы сплошной пеленой тумана и низких облаков. Хотя и в ясную солнечную погоду горная гряда всегда бывает подернута серой дымкой. Теперь Раис понимал, откуда взялось выражение «седой Урал». Наш Урал действительно во все времена сед и суров.

Когда очутились у подножия, где трасса принялась полого взбираться вверх, Раис невольно залюбовался окружающим великолепием, не забывая следить за дорогой. Суровый, но и величественный пейзаж расстился вокруг – Каменный пояс, Рифей, горная страна Хайрат². От вида покрытых снегом лесистых гор захватывало дух, а бурлящий на порогах стремительный ручей притягивал восхищенные взоры проезжих. На время оба притихли.

Встречных машин попадалось немного, на какой-то миг путников охватило чувство одиночества, словно затерялись они во владениях горных духов, и уже не выбраться из зачарованного царства подобру-поздорову. Музыка давно кончилась, но водитель не спешил менять кассету. На полпути решили сделать привал, размяться и перекусить. Фауль

---

² Каменный пояс, Рифей, Хайрат – соответственно: средневековое, античное и древнеарийское название Уральских гор.

расправлялся с бутербродами, Раис налег на пирожки. Говорили скупно, все больше о предстоящей работе. Подкрепившись, продолжили путь, сразу стало веселей. Вот и Фауль затянул любимую песню: «Уралым...».

Случившееся вскоре после остановки улеглось в считанные мгновения. Вдруг из придорожных кустов выскочила лисица и ярко-рыжей стрелой метнулась под колеса. От неожиданности Раис резко ударил по тормозам, выворачивая руль, машину занесло и бросило на обочину. Уже видя впереди надвигающуюся кручу дорожной насыпи, с криком «Прыгай!» он успел распахнуть дверцу, вывалиться, после чего в памяти наступил провал.

Из черной ямы небытия его выдернул какой-то звук. И еще чувство холода, пощипывающего кожу лица. Значит, жив. А вот боли он не ощущал, не зная, плохо это или хорошо. Наконец, удалось разлепить веки. В голове все еще шумело, сквозь мутную пелену дурмана сумел разглядеть над собой небо. Выходит, он лежит на спине. Дыхание стесненное, будто что-то мешает. Попытался пошевелить конечностями, и сразу же заломило во всем теле. Цел ли позвоночник, может кости переломаны, не разбита ли буйная голова – множество мыслей отяжелевшими от взятка пчелами вяло роились под черепной коробкой. С усилием вздохнул, и в легкие с шумом ворвался морозный воздух. Тут и слышались шаги. Отчетливо скрипел снег под ногами, кто-то приближался к контуженому водителю.

– Фауль! – попытался позвать Раис, но выдавил из груди лишь глухой стон.

Вот-вот свояк подоспеет и поможет подняться, а то так не долго и почки застудить. Сейчас он легкая добыча для кого угодно – беспомощная, распластанная на снегу бабочка. Мошка, угодившая в паутину и покорно ожидающая своей участи. А паук уже близко. Откуда у него взялись в тот момент мрачные мысли? Удивиться он не успел. Чья-то широкая тень нависла над ним, заслонив собой небо. Человек шумно дышал, приближая свое лицо к неподвижному водителю, повеяло гнилью изо рта. Раиса прошиб озноб – ночной кошмар сделался явью. Тот самый мерзкий старик из сна. Тянет заскорузлые руки с корявыми пальцами к шее поверженного. Вот уселся ему на грудь, сдавил горло, еще ближе склонился, лицом к лицу. Злые глазки с вертикальными зрачками излучали ненависть и торжество. Паника охватила Раиса, мысли перепуганными наседками заметались в голове. И тут, словно озаренье снизошло, вспомнил спасительное средство. Наполнив рот слюной, плюнул в страшный лик старца-шурале. И сразу потерял сознание.

Очнулся от боли – кто-то нещадно лупцевал его по щекам. Он замычал, замотал головой, в следующее мгновение услышав знакомый голос:

– Ну, кажись, ожил. Раис, брат, как ты?

Рот сам растянулся в улыбке. Хрипло прошептал:

– Фауль, никак ты?

– Ну, не дух же святой. Сам-то цел, встать сможешь?

Раис молча протянул руку, уселся, побряхтел малость, после чего, не без посторонней помощи, тяжело поднялся, покачнулся, но устоял. Осторожно ощупал себя, охлопал – вроде ничего не сломано. Оно, конечно, побаливают мышцы да суставы, оземь ведь грохнулся, но не бойсь, на нем как на кошке все заживает. Взглядом уперся в поверженную «Ниву», от которой до дорожного полотна по крутому спуску тянулся след. Оказалось, машина поначалу съехала вниз и где-то у самого дна обрыва перевернулась, упав на бок. Пассажиры и водитель успели выпрыгнуть, кубарем скатившись вслед. Вся очередность событий ясным раскладом предстала перед ними.

– Фауль, – подбирая слова, промолвил Раис, – ты тут никого больше не видел?

– Черта лысого, что ли? – хохотнул тот. – Кроме тебя, никого, уж все глаза проглядел.

Раис смущенно хмыкнул, и только теперь заметил цепочку следов, уходящую в лес за оврагом, точнехонько от вмятины, оставленной в снегу его телом. Родственник проследил за его взглядом, пожал плечами:

– Старый след. Ну, давай выбиратьсья. А то окоченеет тут. Ничего не стал говорить Раис свояку, только пробормотал: «Сон-то, видать, вещий».

– Чего? – переспросил тот.

Раис лишь рукой махнул – дескать, пустяки. Пока караб-

кались наверх, со стороны Уфы появилась машина – большая фура. Усатый шофер затормозил, без лишних слов согласился довезти до Инзера – водителям в беде без взаимной выручки амба. По дороге обсудили варианты поднятия машины из оврага. Сошлись, что лучший способ – воспользоваться лебедкой, так как дорога с другого края ограничена склоном горы, где толком и не развернешься.

В поселке лебедки не нашлось, зато удалось договориться с трактористом и водителем грузовика. Вернулись на место аварии, вчетвером поставили внедорожник на колеса. Затем поочередно – трактором и грузовиком – принялись вытягивать его наверх двумя тросами, укорачивая их по мере надобности. Вскоре дело было сделано. Раис открыл капот, покопался внутри, оставшись доволен осмотром:

– Все на месте, никаких тебе поломок, нарушений. Ничего не скажешь, повезло нам.

Немного почихав проформы ради, двигатель завелся, издав привычное урчание. Пострадавшие отблагодарили мужиков: как водится, сунули тем пару бутылок. Деревенские помялись слегка да и завели разговор – издалека начали. Дескать, сами они по этой дороге не ездят. В километре отсюда имеется объезд – им и пользуются местные.

– Отчего так? – поинтересовался удивленный Раис. – Здесь же короче, да и дорога получше.

– Да как сказать-то, чтобы понятнее... – пожал плечами пожилой тракторист и поведал им поверье не поверье – то

ли придание местное, то ли байку... Одним словом, еще во времена домусульманские, когда их предки-башкурды веровали в единого небесного бога Тенгрэ, здесь – на склоне горы – было место захоронения покойников. По обычаю тело ложили на землю, среди камней, предварительно обсыпав зерном. Если мертвого склевывали птицы, считалось, что душа у него чистая, безгрешная – возносится прямоком на небо, а после возрождается снова, проникая с солнечными лучами во чрево женщины из их племени. Если труп поедали звери лесные, то человек был отягощен грехами при жизни, но и его душа могла быть спасена. А вот тех, кого не трогали ни птицы, ни звери – значит, совсем черной была их душа при жизни, и не подлежали они возрождению в мире людском, а тем более заказан был им путь в небесное царство Тенгрэ. Таких пожирали муравьи и черви – и участь грешников заключалась в вечном пленении под землей.

– Во как! – Фауль аж крикнул.

– Так что, брат, место это святое, нельзя было его тревожить, – тракторист нахмурился, – а наши отцы проложили здесь дорогу – взяли грех на душу!

– И что же? – вскинулся живо заинтересованный Раис, вспоминая мерзкую харю старика-беса.

– А то, что мстят теперь людям за их глупость злые духи – дивы во главе с Иблисом...

– Это шайтан что ли? – не понял Фауль.

– Ну да. А по нашему – Шурале.

Раис встревожено присвистнул.

– Только нам, башкирам, они и пакостят, – добавил водитель, – а других и не трогают: грех-то на нас.

Покачали головой работяги, вслух же ничего не сказали. Еще раз поблагодарили своих вызволенцев и осторожно тронулись с места.

– Ну, повезло нам, – все повторял Раис, – слушай, просто сказочно подфартило.

– Еще как подфартило, – согласился напарник.

И когда удалялись от злополучного места, послышался Раису бесовский хохот, от которого ледяной волной пробежал мороз по коже. Подумалось, что никак угомониться не хочет нечистый дух, мало ему злой шулки, что сыграл с путниками. Посмотрел в окно кабины, а там вдоль края леса металась стая оголтелых ворон в погоне за той лисой, которую они спасли. Лишь усилием воли Раис отогнал наваждение.

Посыпал мелкий снежок. По дорожному полотну белыми змейками вилась поземка. Впереди их ждала работа. Там товарищи, смех и серьезный мужской труд. Впереди жизнь. И уж точно демонам и бесам там места нет, если только рожденным женщиной.

Февраль 2003 г.

Вероника Авинова

Зимняя сказка

Зимой мир становился черно-белым. Как старые фильмы. Вокруг стояли серые дома, черные деревья... И лежал белый-белый снег. Такой чужой среди всей этой серости и черноты. Будто он был ненастоящий, будто его только что привезли сюда и высыпали, чтобы поиграть в снежки или в какую-нибудь зимнюю сказку. А еще, когда выглядывало солнце или светили фонари, по снегу рассыпались такие красивые искорки... Они переливались всеми цветами радуги, и на них можно было смотреть бесконечно: маленькие живые огоньки на ненастоящем белом снегу. Если бы не эти искорки, то Аня зиму бы вообще ненавидела. Эти черные деревья и серые дома... А так... Искорки всегда скакали по снегу и подбадривающе ей подмигивали. И Аня, будто кошка за мышкой, следила за их забавной игрой. Волшебные светлячки казались ей даром небес, единственной целью которого было помочь ей пережить очередную холодную зиму до той поры, когда из-под снега покажется потрескавшийся темный асфальт и робко выглянет первая зеленая травка. Тогда снова будет весна, а за ней лето... Весь мир будет играть голубым, зеленым, желтым и красным... И деревья будут стоять не черные, как сейчас, а коричневые или, в крайнем случае,

белые, как березы. Они будут носить сначала легкие светло-зеленые сарафаны, потом оденут тяжелые бальные платья, на которых будут такие разные и красивые цветы... Белые, лиловые, розовые...

Но сейчас стояла зима. Еще целый месяц разнообразить мир будут только эти волшебные веселые искорки, которые сверкают на снегу, как бриллианты в платиновой оправе или как роса на майских ландышах. Хотя нет, это не то. Бриллианты или росу можно потрогать, а попробуй поймать искорку... зачерпнешь только пригоршню холодного снега. Аня знала это совершенно точно. Когда-то давно она пробовала ловить этих хитрых волшебных светлячков, но они почему-то желали жить только на снегу и никак не хотели переезжать к ней домой. Иногда ей было из-за этого грустно. Но стоило выглянуть в окно, и все проходило. Ведь мир вокруг сверкал всеми цветами радуги. Если бы еще под этой радугой не было видно такого холодного снега и черных деревьев... если бы не надо было носить эту неудобную тяжелую шубу... если бы грело солнышко... Аня задумалась. А когда пришла домой, то вытащила из ящика цветные карандаши и листок бумаги. И принялась рисовать деревья, на которых жили искорки. И небо, в котором светило яркое и теплое солнце. И еще птиц. Тех самых синиц, которые так мерзли сейчас с другой стороны подоконника. Время от времени она подходила к окну и сверяла нарисованных светлячков с настоящими. Долго, вдумчиво и не спеша... Бумага постепен-

но покрывалась цветным графитом, на ней вырастали цветы, прыгал заяц, падали с веток абрикосы... И жили точно такие же искорки, как там, за окном. Аня заснула над неоконченным рисунком ровно в девять вечера. Она была уверена, что дорисует его завтра... или послезавтра... или послепо-слезавтра... или не дорисует вообще... В конце концов, зима тоже не такое уж плохое время года, и она успеет нарисовать еще много чего, после того, как придет завтра с горки. Она снова будет смотреть на такой чистый и белый снег и серые дома... Но они станут куда веселее, ведь их можно будет переселить сюда, на картину, где так тепло и красиво, где светит солнце... Аня улыбнулась во сне. Она чувствовала себя хозяйкой мира. Да и, пожалуй, была ею. Самый главный, самый красивый и любимый человек. Который теперь любил жизнь, а не лето, осень или весну. Маленькая девочка, свернувшаяся калачиком на своей кровати, еще не знала, что сегодня она сделала самое большое открытие в своей жизни. Может быть, когда-нибудь она поймет это. Но это потом, не теперь. Ведь сейчас были более важные дела: ей было пять лет, и завтра ее ждала горка.

Январь 2003 г.

Вероника Авинова

Старая сказка

Когда-то, очень давно, наша жизнь была похожа на сказку... Когда за окном медленно опускались на землю белые хлопья снега, а я сидела перед камином, огонь которого, отражаясь в хрустальной люстре, разбегался по комнате разноцветными бликами, и читала книжку. Временами смеялась, порой смахивала слезы. Но в любой момент знала, что где-то далеко ты помнишь обо мне, что ты вернешься, и все будет по-прежнему: волшебно и весело. А ты, ворочаясь на кровати в другом конце света, засыпал, зная, что я жду, что, когда ты однажды постучишь в мою дверь, я оторву глаза от книги и пойду открывать, не надеясь увидеть тебя так рано... Потом мы будем праздновать твое возвращение: в камине будут потрескивать дрова, а на столе гореть свечи, две табуретки за маленьким круглым столом без скатерти заменят нам пышные венские стулья, и простая яичница будет вкуснее омаров. И мы будем смотреть друг другу в глаза, не тратя силы на пустые слова, потому что нельзя высказать словами боль расставания и радость встречи, объяснить сотни чувств и подарить то единственное, которое по-настоящему нужно. Вместо нас говорить будет огонь в камине, оставшемся в моем доме с каких-то древних времен, будут синхронно мигать

две свечи на столе и раз за разом у меня будет подгорать яичница, которую я так и не научилась готовить... Чуть позже, мы обнявшись будем стоять у окна и смотреть, как устилает уставшую землю снег, как медленно кружатся крупные белые хлопья, выделяясь в свете фонарей на черном низком небе. Сверху нам будет подмигивать сквозь облака луна и напоминать о полустершихся в памяти есенинских строках... И только где-то под утро мы уснем, прижавшись друг к другу, чтобы больше никогда не расставаться...

Когда-то мы верили в это, и тогда наша жизнь была похожа на сказку...

Но жизни безразлична наша вера. Давным-давно погас огонь в камине моего дома. Да и самого дома нету уже много долгих лет моего одиночества. В каком-то далеком шкафу еще пылятся свечи, но в каком – мне уже не вспомнить. Разбили такую волшебную хрустальную люстру, и вместо нее в большой комнате моей квартиры висит сверхмодный стеклянный плафон... И жуть современные стулья заменяют мне старые деревянные табуреты, а на большой стол с прозрачной столешницей нельзя ставить древний железный подсвечник. От пластиковых окон не дует, и я совсем забыла, как скрипят растрескавшиеся от времени деревянные рамы, и так далеко до неба, что совсем не хочется смотреть в окно, за которым, как на картине стиля «модерн», видны лишь коробки высоких домов да светлые пятна ядовито-ярких фонарей. Окно, за которым никогда не идет снег и никогда не вид-

на луна, потому что плотные облака смога ни за что не пропустят этих светлых вестников моей прошлой жизни. Жизни, в которой ты когда-то не вернулся с войны. Жизни, в которой мне стал вдруг не нужен огонь в камине и теплые, будто живые, деревянные стулья, в которой разрушили ставший мне безразличным дом. Жизни, в которой некого стало ждать. И появились гиганты из стекла и бетона, появилась мгновенная связь, и книги были забыты, погребены под грузом кино и компьютеров. Люди забыли, что значит живой огонь, что мебель должна быть из дерева, что писать надо на бумаге и что любить надо сердцем. Об этом забыли все и не помню я, не помню, когда утром меня будит электрический будильник, когда днем я болтаю с людьми во всемирной Сети, когда вечером пью кофе, приготовленный на электроплите... и только ночью, прижав к сердцу единственную в доме фотографию и сунув под подушку последнюю уцелевшую книгу, я захлебываюсь слезами, потому что ни война, ни прошедшие годы не смогли вытравить из моей души сказку, которая когда-то была жизнью...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.